

УДК 82.0

И.С. Абрамовская, К.М. Егорова
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ «МЕРЫ НАКАЗАНИЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Проблема соответствия меры наказания совершенному преступлению, поставленная правоведами еще в XVIII столетии, активно обсуждалась в художественных произведениях западноевропейских и русских писателей XIX столетия. И правоведа, и писатели выделяли не только правовой, но и нравственный аспект проблемы, решение которой свидетельствовало об уровне развития государства. В статье анализируется постановка проблемы в произведениях Ф.М. Достоевского («Записки из Мертвого дома», «Идиот», «Братья Карамазовы»), который живо интересовался судебной практикой, подчеркивал несовершенство законов и в «Дневнике писателя» нашел пример соблюдения справедливой меры наказания, когда уголовное право трактовалось в соответствии с нравственными и религиозными представлениями. В статье особое внимание уделено психологии героев, их отношению к преступлению и наказанию.

Уголовно-правовая проблематика, «мера наказания», ценностная шкала, художественная литература, трактат Ч. Беккариа, В. Гюго, романы Ф.М. Достоевского.

Уголовно-правовая проблематика актуальна в художественных произведениях западноевропейской и русской литературы на протяжении всего XIX века. Об этом писали многие исследователи: И.Т. Голиков, А.И. Алексеев, К.В. Харabet и др. Объектами изучения для них стали «юридические» аспекты фактов биографии русских писателей (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др.), а также их обращения к уголовно-правовому и криминологическому материалу в художественной прозе [10, с. 4].

Литература отражает в той или иной степени ход истории, а «развитие общества, движимое напряжением, соревнованием и столкновением действий, страстей и мыслей человеческих, уже в существе своем заключает неизбежность преступлений или нарушений установленного порядка, как по совместности одновременных стремлений многочисленных деятелей, так и по слабости человеческой природы, искушаемой нуждами, завистью, бессилием и увлечениями любостыжания и гордости. Таким образом развитие (жизнь) содержит в себе семена деяний, которые называются по правилам веры – грехом, по нравственности – пороком, а по закону – преступлением» [8, с. 2]. В первобытных обществах понятия о грехе, пороке и преступлении были тождественны. Противоречия между понятиями возникли в новое время с принятием христианства, когда началось изучение памятников Древнего Рима, в том числе книг о праве. Церкви было предоставлено право «пасти душу», чиновники взяли на себя ответственность за соблюдение

общественных законов, поэтому и возникла проблема соответствия меры наказания совершенному преступлению. Рецензент книги К. Лебедева «Уложения законов о преступлениях и наказаниях в Германии», процитированной выше, отметил, что «развитие понятий о преступлении и наказании весьма важно в отношении к истории: здесь выражается внутренняя жизнь народа, его верования, убеждения религиозные, политические, нравственные» [9, с. 5]. Таким образом, совершенствование системы «карающих мер» напрямую связывается с уровнем развития государства.

Одним из первых юристов, поставивших проблему соответствия наказания преступлению, стал Чезаре Беккариа, итальянский деятель Просвещения, в 1764 г. получивший всемирную известность благодаря трактату «О преступлениях и наказаниях». На русский язык он был переведен в 1803 г. Данный вопрос актуален уже на протяжении нескольких веков и связан напрямую с образованием государства, а следовательно, и появлением ограничительных норм. Необходимо было остановить «деспотические устремления людей к ниспровержению законов общества и к возвращению первобытного хаоса» [1, с. 199], как отмечает Беккариа. Это стало возможным посредством «чувственных побуждений», которыми и являлись наказания, установленные против тех, кто нарушает законы. Беккариа говорит о трех источниках общепринятых правил, управляющих людьми: божественное откровение, естественные законы, добровольные общественные соглашения [1, с. 185]. Соблюдение их в совокупности ведет к достижению счастья, которое

равнозначно справедливости. В утопическом варианте государства преступления не имеют места в жизни общества, однако в действительности человеческая жизнь далека от подобного варианта развития, поэтому необходимы некие сдерживающие механизмы. Важно, чтобы они были соразмерны тем правонарушениям, против которых направлены.

В русской классической литературе наиболее убедительно и с разных точек зрения эту проблему осветил в своих произведениях Ф.М. Достоевский. Его литературное наследие имеет большое значение не только как факт художественного творчества, оно также является источником ярких примеров для авторов работ по криминологии и девиантологии [10, с. 283]. К.В. Харabet в своем исследовании подчеркивает, что Ф.М. Достоевский ставит следующие проблемы: сущность преступления, цели наказания, феномен явки с повинной, механизм конкретного преступления, роль следователя и некоторые другие вопросы уголовно-исполнительного права и судебной психиатрии. Уже биография этого писателя заставляет задуматься о справедливости меры наказания. А именно – постановление о лишении чинов, всех прав состояния и приговор к смертной казни «через расстреляние» за политический акт – чтение письма Белинского к Гоголю, запрещенного царской цензурой. Приговор был в итоге заменен ссылкой на каторжные работы в крепостях, однако справедливее от этого не стал, и данная тема впоследствии нашла отражение в творчестве Ф.М. Достоевского.

«Записки из Мертвого дома» – практически первое произведение о ссыльнокаторжных. Оно носит автобиографический характер, в диалогах и монологах героев просвечивает в том числе и авторская позиция. В третьей главе представлены рассуждения Горянчикова: «...более всего занимала меня одна мысль, которая потом неотвязчиво преследовала меня во все время моей жизни в остроге, – мысль отчасти неразрешимая, неразрешимая для меня и теперь: это о неравенстве наказания за одни и те же преступления» [4, с. 42]. Далее рассказчик размышляет о разнице между преступниками. Одни, по его мнению, пошли на губительный шаг от отчаяния, другие – по собственным корыстным соображениям. «Например: и тот и другой убили человека; взвешены все обстоятельства обоих дел; и по тому и по другому делу выходит почти одно наказание. А между тем, посмотрите, какая разница в преступлениях. Один, например, зарезал человека так, за ничто, за луковицу: вышел на дорожку, зарезал мужика проезжего, а у него-то и всего одна луковица. <...> А другой убил, защищая от сладострастного тирана честь невесты, сестры, дочери» [4, с. 43]. Первый тип каторжников, попадая в острог, будет чувствовать себя более чем хорошо и даже не вспомнит о причине своего заключения, когда для второго – «боль собственного его сердца, прежде всяких наказаний, убьет его своими муками. Он сам себя осудит за свое преступление беспощаднее, безжалостнее самого грозного закона» [4, с. 43]. Самосознание автора записок после выхода с каторги свидетельствует о том, что он продолжал «нести свой крест» и, приняв наказание, сам себя не простил. Однако, размышляя о судьбах других заключенных, Горянчиков

приходит к выводу, что вопрос, занимавший его, неразрешим на данном этапе развития общества и системы судопроизводства.

Возвращаясь к исследованию Ч. Беккария, можно сказать, что в данном случае из триединства источников правил возмездия имеет место только одно – общественно принятые соглашения, следовательно, достижение справедливости невозможно. В «Записках из Мертвого дома» подчеркивается, что преступления называли в России «несчастьем», а преступников – «несчастливыми». Это определение «тем более важно, что сделано бессознательно, инстинктивно» [4, с. 46], а значит, говорит о том, что грозящее наказание в несколько раз страшнее самого преступления, раз уж народ начинает жалеть заключенных и осужденных.

Ричард Уортман в своей книге «Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России» говорит о том, что Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой возглавляли лагерь сторонников т. н. «антиюридизма», т.е. они демонстрировали активную неприязнь к представителям судебной профессии, видя в них бездушных бюрократов. Именно из этой жизненной позиции и берут свои истоки рассуждения о соразмерности преступления и наказания [11].

Оппозиция двух понятий дана уже в заглавии первого романа из великого пятикнижия Достоевского – «Преступление и наказание». На примере убийства старухи-процентщицы можно различить несколько уровней преступления: нарушение уголовного закона, аморальный поступок и нарушение религиозных установок. Более того, решившись на убийство, герой пошел против своего собственного человеческого естества. Насколько справедлива каторга как мера наказания для Раскольникова можно судить только, если понятна степень его раскаяния. А это самый спорный вопрос, касающийся данного романа. Не до конца прояснен и мотив преступления: была ли это проверка собственной теории Раскольникова или все-таки действительно «высокая цель» – освобождение мира от персонифицированного зла? Во время покаяния у церкви Раскольников фактически сам себя приговорил к каторге. Он отчетливо понимал, что взял на себя чужую роль «право имеющего» и за это должен быть наказан обществом. В данном случае каторга – справедливое наказание за содеянное, т. к. Раскольников нарушил все три запрета: религиозный, т.е. заповеди «не убий», «не укради», закон естественного права на жизнь и уголовный закон.

О жестокости наказания смертной казнью Достоевский более подробно скажет в своем следующем романе «Идиот». Князь Мышкин описывает сцену, произошедшую с человеком, которого в числе других осужденных возвели на эшафот. Он был уверен в неотвратимости смерти, но уже через несколько минут его помиловали и назначили другую меру наказания. Мысли приговоренного были сосредоточены на том, как успеть сделать все запланированное за оставшиеся пять минут: попрощаться с близкими, подумать о себе. В это время ему кажется, что времени ему дано очень много и, случись помилование, он будет знать, как жить иначе. Аналогия с судьбой самого Достоевского очевидна. В уста Мышкину был вложен и еще

один посыл – авторское отношение к казни: «Конечно! Конечно! Этакую муку!.. Преступник был человек умный, бесстрашный, сильный, в летах <...>. Ну вот, я вам говорю, верьте не верьте, на эшафот всходил – плакал, белый как бумага. Разве это возможно? Разве не ужас? Ну кто же со страху плачет? Я и не думал, чтоб от страха можно было заплакать не ребенку, человеку, который никогда не плакал, человеку в сорок пять лет. Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят? Надругательство над душой, больше ничего! Сказано: “Не убий”, так за то, что он убил, и его убивать? Нет, это нельзя» [5, с. 20]. Последняя фраза – почти цитата из Евангелия, объясняющая христианскую концепцию наказания любого человека – «Мне отмщение и аз воздам». И тут же в романе дано описание ожидания смерти: «Вот как голову кладешь под самый нож и слышишь, как он склизнет над головой, вот эти-то четверть секунды всего и страшнее. Знаете ли, что это не моя фантазия, а что так многие говорили» [5, с. 21]. Достоевский прежде всего имеет в виду произведение В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти» (1829) [2, с. 91–188]. О значении романа Гюго в контексте романа Достоевского убедительно говорит В.В. Виноградов в работе «Из биографии одного “неистового” произведения. “Последний день приговоренного к смерти”». Вставная новелла о смертной казни, рассказанная Мышкиным, как и другие вставные тексты, имеет особую функцию в композиции романа «Идиот», в сфере семантической, связанной «с темой смертной казни и предсмертных томлений», особенно актуальной в поэтике Достоевского [2, с. 68].

В предисловии ко второму изданию книги, имевшей громкий успех во Франции, В. Гюго указал цель, ради которой написана повесть: «Последний день приговоренного к смерти – это прямое или косвенное, считайте, как хотите, ходатайство об отмене смертной казни. <...> цель его не защита какого-то одного определенного преступника, что не так уж сложно осуществить от случая к случаю; нет, это общее ходатайство о всех осужденных настоящих и будущих, на все времена; это коренной вопрос человеческого права, поднятый и отстаиваемый во весь голос перед обществом, как перед высшим кассационным судом; это грозная преграда, *abhorescere a sanduine**, воздвигнутая навеки перед всеми судебными процессами» [2, с. 91–92]. Смертную казнь Гюго называет «общественным преступлением», поскольку капли пролитой крови падают на все общество.

«Диким» и «варварским» способом творить правосудие называет смертную казнь профессор Эрнест Ферри, исследовавший психологическое состояние преступника во время казни. Ученый пришел к выводу, что ощущения преступников перед смертью существенно отличаются от тех шаблонов, какие обыкновенно представляют себе художники (имеется в виду, в частности, роман Гюго) или публика, опираясь на «одно весьма распространенное заблуждение, вследствие которого преступнику при виде виселицы или гильотины приписывались чувства и ощущения нормального человека, причем они, силою самовнуше-

ния, старались стать на его место» [12, с. 195]. Опираясь на результаты криминальной психологии, Ферри трактует поведение преступников как пример нравственной и физической аномалии. Однако при этом ученый признает, что «нравственная чувствительность», притупленная испорченной средой, воскресает при приближении смерти [12, с. 202].

Анализируя душевное состояние героев перед казнью, и Гюго, и Достоевский воспроизводят акт, который в философии экзистенциализма трактуется как «пограничная ситуация», когда мысль о неотвратимости конца приводит к предельной концентрации всего пережитого, к пониманию сущности бытия. И возникает желание еще что-то важное успеть сделать, сказать, понять, но это желание сменяется бесильной злобой в ожидании скорейшего ухода. Таким образом, приговаривая преступника к смерти, судьи опираются только на правило, регулирующее жизнь людей в обществе, по Беккариа – общественно принятые соглашения, и лишают человека возможности воскреснуть для новой жизни.

Иное отношение к наказанию и другая черта характера героя, подвергшегося наказанию, показана в образе Дмитрия Карамазова. Его прототип – каторжник омского острога Дмитрий Ильинский, осужденный за убийство отца на 20 лет каторги. По отбытии половины срока Ильинский был оправдан, поскольку преступления не совершал. Так называемая юридическая подоплека в «Братьях Карамазовых» (как и в «Воскресении» Толстого) – судебная ошибка. Но Дмитрий воспринимает наказание смиренно, поскольку это его шанс искупить свои прежние грехи страданием. Схожая мысль заключена в напутствии старца Зосимы, обращенном к Алеше Карамазову: «в горе счастья ищи» [6, с. 72].

В текстах Достоевского исследуется шкала ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни. Исследуемый мотив «меры наказания» занимает на этой шкале одну из самых высоких позиций.

Тема несправедливости общественного устройства волновала многих современников Ф.М. Достоевского, в том числе и А.П. Чехова. В 1890 году он отправился в путешествие и посетил Сахалин, объявленный царским указом от 1869 года местом каторги. Итогом его впечатлений от поездки стала книга «Остров Сахалин», которую А.М. Скабичевский сравнивает с «Записками из Мертвого дома». Сам Чехов дает характеристику этого места в письме А.С. Суворину от 9 марта 1890 года: «Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. <...> Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку, а моряки и тюремоведы должны глядеть в частности на Сахалин, как военные на Севастополь. Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски...» [13, с. 399] Финальная фраза приведенной цитаты подтверждает тезис о невообразимой и несоизмеримой жестокости: *сгноили зря, без рассуждения...* Значит,

* Ужас перед казнью (лат.).

не учитывая всех обстоятельств, не разбираясь в степени вины, не думая о возможном раскаянии.

О том, что триединство источников правил, которыми, по Беккариа, важно руководствоваться при вынесении обвинения человеку, не утопическое умозаключение, свидетельствует вторая часть второй главы в «Дневнике писателя» от 1877 года (за апрель), где Достоевский рассказывает историю подсудимой Корниловой, которая, будучи беременной, поругалась с мужем и выкинула его дочь от первого брака из окна четвертого этажа. Девочка выжила, а ее мачеха вела себя очень несдержанно, дерзко, но спустя какое-то время ее поведение кардинально изменилось: начальница женской тюрьмы не могла ею нахвалиться. «Явился ее характер ровный, тихий, ласковый и ясный» [7, с. 119]. Через год после ее заключения состоялось еще одно заседание суда, на котором прежний приговор был кассирован. Состав присяжных заседателей был изменен, к рассмотрению дела привлеклись врачи-психиатры, допрошен новый свидетель – та самая начальница, муж подсудимой откровенно рассказал о ссорах, обидах, которые наносил жене, как упрекал ее, сравнивая со своей бывшей женой. Достоевский, говоря об итогах заседания, пишет: «Мнение эксперта было в пользу подсудимой: он утвердительно и доказательно заключил о несомненном, по его мнению, болезненном состоянии души подсудимой, во время свершения ею страшного преступления» [7, с. 120]. Прокурор отказался от обвинения в преднамеренности. Был вынесен оправдательный приговор. Муж оправданной увел ее домой, и «она, счастливая, вошла опять в свой дом <...> с впечатлением огромного вынесенного ею урока на всю жизнь и явного Божьего перста во всем этом деле, – хотя бы только начиная с чудесного спасения ребенка» [7, с. 120]. Внимательное рассмотрение дела позволило, не отступая от буквы закона, проявить милосердие, не снимая при этом ответственности за совершенное преступление, – ведь Корнилова, пусть и была оправдана, но свою вину приняла.

Рассказ о Корниловой приводится Достоевским как весомый аргумент в доказательстве возможности

соблюдения справедливой меры наказания, если уголовное право опирается на нравственные законы и религиозное чувство.

Важнейшим итогом, которого настойчиво добились писатели, стала отмена смертной казни в большинстве европейских государств. В дальнейшем поставленная в статье проблема, своеобразно интерпретируемая в художественной литературе XIX столетия, была осмыслена на новом уровне в философских произведениях писателей-экзистенциалистов.

Литература

1. Беккариа, Чезаре. О преступлениях и наказаниях / Чезаре Беккариа. – Москва, 1939.
2. Виноградов, В.В. Из биографии одного «ненстового» произведения. «Последний день приговоренного к смерти» / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. – Москва, 1976. – С. 63–75.
3. Гюго, В. Последний день приговоренного к смерти / В. Гюго // Гюго В. Собр. соч.: в 10 т. – Москва, 1972. – Т. 1. – С. 91–188.
4. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Ленинград, 1972. – Т. 4.
5. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Ленинград, 1973. – Т. 8.
6. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Ленинград, 1976. – Т. 14.
7. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Ленинград, 1983. – Т. 25.
8. Лебедев, К. Уложения законов о преступлениях и наказаниях в Германии / К. Лебедев. – Санкт-Петербург, 1848.
9. Москвитянин. – 1849. – Март. – № 5. – Кн. 1. Критика и библиография.
10. Харабет, К.В. Преступление и наказание. Закон и порядок в русской классической литературе XIX века / К.В. Харабет. – Москва, 2012.
11. Уортман, Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / Р. Уортман. – Москва, 2004.
12. Ферри, Эрнест. Последний день осужденного / Эрнест Ферри // Жизнь. Литературный, научный и политический журнал. – Санкт-Петербург, 1899. – Т. 3.
13. Чехов, А.П. Собр. соч.: в 12 т. / А.П. Чехов. – Москва, 1963. – Т. 11.

I.S. Abramovskaya, K.M. Egorova

THE “MEASURE OF PUNISHMENT” PROBLEM IN THE FICTION OF THE 19th CENTURY: CRIMINAL AND AXIOLOGICAL ASPECTS

The problem of correspondence of measure of punishment to the committed crime, which was formulated by legists in the 18th century, was actively discussed in the fiction of Western European and Russian authors of the 19th century. Both legists and authors distinguished not only the legal but also the moral aspect of the problem. The way of solving the problem showed the level of the national development. The article analyzes the formulation of the problem in the novels *The House of the Dead*, *The Idiot*, and *The Brothers Karamazov* by F.M. Dostoevsky, who was keenly interested in judicial practice. Dostoevsky emphasized the imperfection of laws, and found an example of a fair penalty in *A Writer's Diary* where criminal law was interpreted in accordance with the moral and religious beliefs. The article is focused on the characters' psychology and their attitude toward crime and punishment.

Criminal problems, «measure of punishment», value scale, fiction, the essay of C. Beccaria, V. Hugo, novels of F.M. Dostoevsky.